

Чжу Чжисинь чувствовал, что, пожалуй, сошел с ума.

Он сидел на диване в гостиной общежития, держа в руке стакан с остывшей водой, и пристально смотрел на девочку с пучком на макушке, сидевшую в кресле напротив — нет, не девочку, — глядя на ту, в чьем теле сейчас жил Су Синьхао. В его голове заново складывались все кусочки мозаики за последнюю неделю. Су Синьхао, который на репетициях то и дело сбивался в базовых движениях; Су Синьхао, заказавший целый стол сладостей и жареного; Су Синьхао, который с ходу выпалил фразу про «нас, Чжу Су»; и Су Синьхао, который вчера во время прямой трансляции посмотрел на него тем самым незнакомым, до жути серьезным взглядом и произнес: «Тот случай с импровизационным баттлом трейни». Если рассматривать каждый осколок по отдельности, казалось лишь, что «что-то тут не так», но стоило сложить их вместе, как узор проступил с пугающей, неоспоримой четкостью.

Он понял все не сегодня. Точнее говоря, вчера, когда трансляция закончилась и он, прислонившись к косяку гримерки, провожал взглядом удаляющуюся спину «Су Синьхао», в его душе уже зрел ответ. Походка этого человека была точь-в-точь как у Су Синьхао: чуть ускоренный шаг, минимальный размах рук, напряженный мышечный корсет — словно он в любой момент готов взлететь на сцену. Но именно оттого, что сходство было столь разительным, Чжу Чжисинь и грызло нехорошее предчувствие. Настоящая фальшь никогда не кроется во внешнем, она идет изнутри. Это была та самая искра паники, порой вспыхивавшая в глазах — паники, совершенно чуждой настоящему Су Синьхао.

А затем он услышал те слова: «Во времена трейни у нас был ежемесячный экзамен, мы сошлись в импровизационном баттле, совершенно без репетиций, но стоило зазвучать музыке, как каждый уже знал, что сделает партнер».

Су Синьхао никак не мог этого помнить. Тот баттл вовсе не был экзаменом: обычная среда, середина дня, в тренировочном зале они были только вдвоем. Чжу Чжисинь тогда наугад включил музыку, Су Синьхао бросил «а давай», и они танцевали добрые сорок минут, пока три футболки насквозь не пропитались потом, а они оба не рухнули на пол, заходясь смехом. Это было их сокровенное, личное воспоминание — оно никогда не попадало ни в какие официальные материалы, о нем никому и никогда не рассказывали. А вчерашний «Су Синьхао» выдал этот эпизод за «месячный экзамен», назвав все «импровизационным баттлом». Сама деталь верна, но ярлык — насквозь фальшивый. О чем это говорило? О том, что кто-то пересказал «Су Синьхао» суть того воспоминания, но при пересказе напутал с обстоятельствами.

А рассказать «Су Синьхао» об этом мог только сам Су Синьхао.

Чжу Чжисинь поставил стакан на журнальный столик, издав тихое стучащие звуки. Человек в кресле напротив слегка поправил осанку: прямая спина, колени вместе, руки аккуратно сложены на коленях. Тело принадлежало Линь Юэюэ, но вот это движение, эта привычка бессознательно подтягивать конечности под пристальным взглядом и чуть приподнимать подбородок в защитной позе — все это принадлежало исключительно Су Синьхао.

— Когда ты догадался? — подал голос Су Синьхао. Звучал голос Линь Юэюэ, но темп, ритм,

понижение тона к концу фразы — все выдавало его самого.

Чжу Чжисинь ответил не сразу. Откинувшись на спинку дивана, он смотрел в круглые глаза незнакомой девчонки, в которых горел совершенно неуместный там холодный и ясный огонек, и лишь помолчав с мгновение, бросил:

— Угадай.

Выражение лица Су Синьхао не изменилось, но Чжу Чжисинь заметил, как его пальцы чуть сжались в кулаки — та самая привычка Су Синьхао, когда его задевают за живое, но он изо всех сил старается этого не показывать. В чужих руках Линь Юэюэ этот жест вышел куда смазаннее, но все же угадывался.

— Вчера на трансляции, тот баттл... — произнес Су Синьхао. — Ты изменился в лице, когда я договорил.

— А ты, погляжу, наблюдателен.

— Я слежу за тобой с самого дня автограф-сессии.

Эта фраза заставила Чжу Чжисиня слегка вздрогнуть. День автограф-сессии — тот сумасшедший полуденный час, когда «Су Синьхао» упал без чувств прямо перед ним, а очнувшись, выдал первое: «Почему у меня мужской голос?». Тогда он принял это за бред после легкого сотрясения, но теперь, вспоминая тот момент, он думал: а вдруг это были вовсе не бессвязные слова? Вдруг сквозь трещину тогда просочилась самая настоящая правда.

— Выходит, — медленно проговорил Чжу Чжисинь, невольно понижая голос, — в день автограф-сессии, когда та фанатка налетела на тебя и ты потерял сознание, ты переместился в ее тело?

— Да.

— А она — в твое?

— Да.

— И все эти дни в компании, на репетициях, за обедом, на трансляциях со мной...

— Была Линь Юэюэ. — Тон Су Синьхао был ровным, словно он рассуждал о чем-то совершенно постороннем. — Та самая фанатка. Она написала на платформе пост на двадцать тысяч слов по пейрингу Чжу Су, собрала больше ста тысяч просмотров, а ее ник — Юэюэ сегодня тоже старается ути.

Чжу Чжисинь долго молчал. Он вовсе не переваривал услышанное — эту новость он пережевывал весь прошлый вечер и все сегодняшнее утро. Он пытался сопоставить чужое, незнакомое лицо девушки с именем Су Синьхао. Он знал Су Синьхао семь лет. С тех ночей стажировки, когда они вдвоем ютились на двухъярусной кровати, и до ночи дебюта, когда сквозь пелену летящего отовсюду серпантина их взгляды встретились поверх толпы. Он думал, что изучил Су Синьхао вдоль и поперек: его привычки, его предел прочности, то, что означало каждое его хмурое движение бровей. Но он никогда еще не видел Су Синьхао в таком обличье: запертого в чужом теле, говорящего чужим голосом и признающегося в столь запредельной, дикой абсурдности.

— Почему ты не сказал мне раньше? — спросил Чжу Чжисинь.

— Потому что я не был уверен. — В голосе Су Синьхао наконец проскользнуло легкое волнение — едва заметное, но Чжу Чжисинь уловил его. — Я не знал, сможешь ли ты это принять. Не был уверен, решишь ли ты, что я свихнулся. Не знал, что будет, если об этом узнает кто-то еще. К тому же... — он сделал небольшую паузу, — мне нужно было сперва убедиться, что Линь Юэюэ не натворит непоправимых глупостей в моем теле.

— То есть ты предпочел, чтобы я просто сидел рядом и наблюдал, как чужой человек неуклюже скачет в твоём теле?

— Она не скачет. — Голос Су Синьхао внезапно стал жестче, будто он защищал что-то святое. — Она пашет как проклятая. Занимается до самого рассвета, снова и снова сверяя движения с отражением в зеркале. Ей просто нужно время.

Чжу Чжисинь замер. Он никак не ожидал, что Су Синьхао станет выгораживать какую-то фанатку. По его представлениям, требования Су Синьхао к своему делу граничили с фанатизмом, на сцене он не прощал себе даже малейшего отклонения кончика пальца. И раз уж человек вроде него говорит «она пашет как проклятая», значит, в зале она буквально стирала ноги в кровь.

Он снова откинулся на спинку дивана и потер переносицу. Сейчас было не время разбираться в симпатиях. Раз уж все случилось, перед ним стоял один-единственный вопрос:

— И что ты собираешься делать?

Су Синьхао чуть подался вперед. Этот жест означал, что он перешел в режим деловых переговоров, и Чжу Чжисинь слишком хорошо его знал: в прошлом, стоило им разойтись в деталях хореографии, Су Синьхао принимал именно такую позу — корпус вперед, взгляд сфокусирован, голос приглушен, и начинается разбор проблемы по пунктам.

— Мне нужна твоя помощь, — произвел Су Синьхао. — Мое нынешнее тело не может нормально контактировать с командой и компанией. На следующей неделе начинаются съемки клипа на новую песню, через неделю — запись шоу, в следующем месяце — камбэк и выступления на музыкальных программах. Линь Юэюэ должна удержать позиции Су Синьхао,

но в одиночку она не справится. Ей нужен кто-то рядом, кто подстрахует и поможет замаскировать огрехи в деталях.

— То есть ты предлагаешь мне стать ее нянькой?

— Я предлагаю тебе стать моим надежным тылом.

Чжу Чжисинь ответил не сразу. Он смотрел на Су Синьхао — нет, на Линь Юэюэ, в глазах которой отражался фирменный сусиньхаовский взгляд. В этих глазах читались знакомые упрямство, хладнокровие и категоричность, но вместе с тем сквозило нечто такое, чего Чжу Чжисинь никогда прежде не видел на лице Су Синьхао: мольба. За все семь знакомства лет Су Синьхао ни у кого ничего не просил. Тренируясь до водянки в коленях, он не издавал ни звука; когда на него обрушивалась волна хейта, он не публиковал жалостливых постов; в самые тяжелые времена он просто стоял в одиночестве на крыше, а возвращаясь, неизменно держал лицо. Но сейчас он сидел в этом чужом кресле, в теле незнакомой девчонки, и говорил ему, Чжу Чжисиню: «Мне нужна твоя помощь».

Чжу Чжисинь отвел взгляд и уставился на стакан на журнальном столике. Вода в нем была неподвижна, отражая слепящий белый свет потолочной лампы дневного света.

— Помогать тебе прикрывать перед компанией, подыгрывать актерской игре Линь Юэюэ, вытаскивать весь этот бардак, пока вы не найдете способ поменяться обратно... — он неторопливо перечислил условия, а затем поднял глаза: — Ты понимаешь, во что это выльется?

— Понимаю. — Голос Су Синьхао звучал твердо. — Это значит, что на людях ты будешь играть роль точно такого же Чжу Чжисиня, как и прежде, но за кулисами тебе придется иметь дело сразу с двумя людьми: моя душа в ее теле, а ее — в моем. Тебе придется перед камерами держать положенную дистанцию с тем Су Синьхао, которого играет Линь Юэюэ, а за глаза обсуждать со мной всю стратегию поведения. И при этом нельзя проронить ни слова никому — включая Чжан Цзи, Чжан Цзэюй и Цзо Хана. Тебе придется жить с двойной ношей, может быть, несколько месяцев, а может, и дольше.

— А ты неплохо всё за меня продумал.

— Потому что мне нужно твое сотрудничество. А в любом сотрудничестве все издержки должны быть просчитаны на берегу.

Чжу Чжисиню вдруг захотелось рассмеяться. Не от абсурдности ситуации — из этой стадии он уже вырос. А оттого, что Су Синьхао оставался стопроцентным Су Синьхао. Даже превратившись в женщину, он вел переговоры с той же ледяной деловой хваткой, умудряясь даже просить о помощи так, будто подписывает контракт.

— Сотрудничество, — повторил Чжу Чжисинь, поднимаясь на ноги и подходя к окну. За стеклом зеленели сочные кроны деревьев раннего лета, сквозь листву пробивался стрекот

цикад, сливаясь с хаосом в его собственной голове. Ему была нужна причина. Не причина помочь Су Синьхао — для помощи Су Синьхао причины не требовались. Ему нужна была причина принять этот сюрреалистический бред, причина согласиться играть двойную роль черт пойми сколько времени.

Он повернулся и посмотрел на Су Синьхао.

— Я помогу. Но у меня есть условия.

Брови Су Синьхао чуть сошлись на переносице — брови Линь Юэюэ хмурились совсем иначе, чем его собственные, но этот настороженный взгляд, мгновенно начавший просчитывать выгоду и риски, Чжу Чжисинь узнал бы из тысячи.

— Говори.

Чжу Чжисинь поднял первый палец.

— Условие первое: отныне в любых решениях, касающихся этого дела, у меня есть право вето. Не право совещательного голоса, а именно вето. Вы с Линь Юэюэ можете обсуждать планы, но если я говорю нет — значит, нет. Я не хочу однажды обнаружить, что кто-то из вас снова вбежал в мою комнату с заявлением, будто вы решили еще разок стукнуться головами в надежде на удачу.

Су Синьхао помолчал секунду, затем кивнул:

— Разумно. Я принимаю.

Чжу Чжисинь поднял второй палец.

— Условие второе: пока Линь Юэюэ находится в теле Су Синьхао, ты отслеживаешь каждый ее шаг со стороны. Каждое движение, каждое слово, каждый пост в соцсетях — всё должно проходить твою предварительную цензуру. Я не требую, чтобы она превратилась в тебя, но я требую, чтобы она не облажалась публично. Потому что ее провал — это твой провал.

— Я уже этим занимаюсь. — В голосе Су Синьхао прозвучала едва уловимая тень усталости. — Вчера я скинул ей свод правил поведения на тридцать семь страниц.

Чжу Чжисинь запнулся, и уголки его губ дернулись помимо воли:

— Ты написал ей целый PDF-файл?

— Тридцать семь страниц. По главам и разделам, с оглавлением и приложениями.

Мысленно представив объем этого документа, Чжу Чжисинь неожиданно проникся к Линь Юэюэ чувством глубокой симпатии. Мало того что твое тело захватила душа Су Синьхао, так тебя еще и заставляют проходить курс молодого бойца по его методичкам. Однако вслух он этого говорить не стал и поднял третий палец.

— Условие третье: когда все это закончится — неважно, каким образом, — Линь Юэюэ в образе Су Синьхао запишет со мной парный видеоблог. Тематику выбираю я.

На лице Су Синьхао наконец треснула маска невозмутимости. Чжу Чжисинь мысленно поставил галочку: за семь лет знакомства впервые заставить Су Синьхао потерять лицо за столом переговоров — это было поистине исторически.

— Почему именно Линь Юэюэ? — спросил Су Синьхао.

— Потому что настоящий ты уже снимался со мной в куче парных проектов. А вот Су Синьхао в исполнении Линь Юэюэ... — Чжу Чжисинь на мгновение замолчал, а уголки его губ изогнулись в многозначительной улыбке, — версию в ее исполнении я хочу оставить на память. В качестве бонуса за этот период.

Су Синьхао пристально смотрел на него несколько секунд. Во взгляде читалось целое ассорти эмоций: недоумение, настороженность, легкая тень нежелания соглашаться и еще что-то, чего Чжу Чжисинь пока не мог расшифровать. Но в конце концов он все же воздержался от расспросов, глубоко вздохнул и закрыл глаза — так, словно молча оплакивал собственную душу.

— Ладно. Я согласен за нее.

— Ты можешь решать за нее?

— Она мне должна. — Су Синьхао открыл глаза, и его взгляд снова стал холодным и рассудительным. — К тому же речь идет всего лишь о видео, а не о женитьбе на тебе.

Чжу Чжисинь хмыкнул. Это был первый по-настоящему расслабленный смешок с самого вчерашнего вечера — короткий, тихий, но он хотя бы прозвучал. Он вернулся на диван и сел, на этот раз глубоко провалившись в подушки, чувствуя себя куда свободнее.

— Ну а теперь давай к конкретному плану.

Су Синьхао достал телефон Линь Юэюэ, открыл заметки и принялся по пунктам излагать расписание на ближайшие две недели. На следующей неделе съемки клипа на новую песню: Линь Юэюэ должна заранее разобрать движения в трех танцевальных связках, причем в двух

местах с массовыми перестроениями высок риск прокола, так что Чжу Чжисиню придется на площадке подсказывать ей направление движений и подавать знаки руками, чтобы она не запуталась в тайминге. Через неделю запись шоу: съемочная группа подготовила два самых опасных испытания — рандом-плей по танцам и проверку на взаимопонимание. Су Синьхао заранее пришлет им обоим базу вопросов и готовые ответы, а Чжу Чжисиню предстоит держать ритм на площадке и, едва заметив, что Линь Юэюэ зависла, тут же перехватывать инициативу или переводить тему. В бытовом плане: в общежитии Линь Юэюэ должна свести к минимуму общение с Чжан Цзи и Чжан Цзэюем один на один; если они загонят ее в угол, Чжу Чжисинь обязан вытащить ее из разговора. Предлогами для спасения могут служить (но не ограничиваться ими): у Ли-цзе к ней срочное дело, доставка еды ждет внизу и нужно помочь забрать, какое-то танцевальное движение требует немедленной проверки.

— Ты даже отговорки на случай моего спасения прописал, — восхищенно протянул Чжу Чжисинь, глядя на длинный список в заметках.

— На всякий случай, — не моргнув глазом ответил Су Синьхао.

— И последнее. — Чжу Чжисинь отложил телефон, и его лицо снова стало серьезным. — В день трансляции та фраза... «Хоть я и не знаю, кто ты, но играешь отлично». Линь Юэюэ испугалась?

Су Синьхао помолчал с полминуты, а затем покачал головой:

— Нет. Она испугалась, но сдержалась. И ответила мне: «Понятия не имею, о чем ты», причем с таким железобетонным тоном, что даже я не смог бы придаться.

— Если она смогла выкрутиться в такой ситуации, — заметил Чжу Чжисинь, — значит, она далеко не простачка.

— Она изначально не простачка. — Ответ Су Синьхао прозвучал на редкость быстро, с ноткой странной уверенности. Чжу Чжисинь бросил на него короткий взгляд, но попытаться не стал.

Тем же днем после обеда Чжу Чжисинь встретил у входа в тренировочный зал ту самую «непростачку» Линь Юэюэ.

Она стояла перед зеркалом, отрабатывая изолированные движения волн корпусом, со лба катился пот, а воротник футболки уже пропитался влагой. Чжу Чжисинь простоял у дверей секунд десять, после чего шагнул внутрь, поставил бутылку с водой на пол и остановился прямо за ее спиной.

— Линь Юэюэ, — сказал он. — Стоп.

Она резко замерла, а затем медленно повернулась. На него смотрело лицо Су Синьхао, но выражение на этом лице не имело ничего общего с тем, какое бы сделал настоящий Су Синьхао: глаза распахнуты до предела, губы слегка приоткрыты, вся она походила на кролика, ослепленного фарами встречной машины. Чжу Чжисинь вдруг отчетливо понял, почему Су Синьхао решил за нее заступиться. Она старалась, и эти старания были видны невооруженным глазом. Для человека, далекого от профессиональных танцев, выучить хореографию Су Синьхао до такого уровня всего за несколько дней — это значит сплошь покрыться синяками и извести тонны разогревающих пластырей.

— Су Синьхао все мне рассказал, — произнес Чжу Чжисинь. — Вы заключили пакт о ненападении, и ты знаешь, что в обмен он будет в твоём теле — тьфу ты, за тебя — разбираться с твоими родителями. В вопросе переселения душ вы теперь союзники, а я — внешняя поддержка. И раз уж я выступаю в роли поддержки... — он сделал паузу, — тебе необязательно выслуживаться передо мной до дрожи в коленках. По крайней мере, при мне можешь не натягивать струну так сильно.

Плечи Линь Юэюэ заметно опустились. Она прислонилась спиной к зеркальной стене, тыльной стороной ладони смахнула со лба пот, а голос еще выдавал одышку после тренировки:

— Он тебе все выложил?

— Все. Сидел в кресле в твоей гостиной, с твоим лицом пялился в телефонные заметки и торговался со мной по каждому пункту. В итоге сдал позиции, выплатил репарации и подписал кучу неравноправных договоров. — В голосе Чжу Чжисиня прозвучала капля самоиронии. — С меня требуют по ходу дела подавать тебе сигнал «правое плечо ниже» при смещении траектории, вытягивать тебя фразой «тебя зовет Ли-цзе», когда тебя прижмет Чжан Цзи, и перехватывать инициативу, если ты запнешься на интервью... Пока он не даст отбой, я обязан во всем подыгрывать.

Линь Юэюэ моргнула, глядя на него. Выражение ее лица было трудноописуемым: в нём смешались благодарность, чувство вины и едва уловимый, чисто фанатский трепет. Чжу Чжисинь решил сделать вид, что не заметил последней составляющей.

— Спасибо тебе, — проговорила Линь Юэюэ, тут же исправившись: — То есть... спасибо, что согласился помочь...

— Не стоит благодарности. Я работаю не за спасибо. — Чжу Чжисинь прислонился к зеркалу, глядя на нее сбоку. — Су Синьхао уже все подписал за тебя: когда вы вернетесь в свои тела, ты запишешь со мной видеоблог в образе Су Синьхао. Тематику выбираю я.

Лицо Линь Юэюэ за доли секунды прошло через четыре стадии: недоумение, шок, стыд и фаталистичная покорность.

— Он согласился за меня? На каком основании он за меня подписывает?! — Ее голос подскочил на полтона, и в этом полутоне поровну смешались протест и испуг. — И что он

собирается меня заставлять снимать?!

— Я еще не придумал, — небрежно бросил Чжу Чжисинь, после чего выпрямился, прошел в центр зала и хлопнул в ладоши. — Ладно, за работу. На каком моменте ты остановилась с массовыми перестроениями для клипа? Су Синьхао говорил, что там есть два опасных места, давай-ка глянем, где именно...

А снаружи, за матовым стеклом тренировочного зала, в дальнем углу коридора Су Синьхао прислонился спиной к стене, скрестив руки на груди, и наблюдал за двумя двигавшимися внутри силуэтами. Чжу Чжисинь стоял напротив Линь Юэюэ, собственным телом показывая ей правильную траекторию перемещения, и угол разворота его плеч нечеткой тенью ложился на матовое стекло. Линь Юэюэ повторяла за ним: чуть ускоренный шаг, уменьшенный размах рук, напряженный мышечный корсет. Походка уже становилась пугающе похожей на его собственную.

Но Су Синьхао знал: впереди еще бесчисленное множество шагов.

Он достал телефон, открыл заметки и добавил новую строку в самом верху документа под названием План действий при переселении душ. Глава ноль: Соглашение о внешней поддержке. А ниже набросал строчку: «Численность поддержки: 1 человек. Полномочия поддержки: право вето. Требования поддержки: один видеоблог, тема на усмотрение. Примечание: пункт является неравноправной сделкой, все расчеты после возвращения в исходные тела».

Он заблокировал экран, сунул телефон обратно в карман и зашагал по коридору.

На улице стоял прекрасный солнечный день, а цикады в кронах деревьев над головой сливались в единый хриплый хор. Су Синьхао опустил взгляд на собственные руки — тело Линь Юэюэ, на ней светло-голубая футболка и белые кеды, щиколотки открыты, а на запястье нет той самой серебряной цепочки. Раньше он никогда не обращал внимания на такие мелочи: солнце, стрекот цикад, тяжесть браслета на руке. Но теперь, запертый в этом чужом теле, он вдруг стал замечать их с пугающей четкостью. Наверное, потому что знал: каждый день жизни в этой оболочке не принадлежит ему, он взят в займы. А к тому, что берешь займы, всегда относишься трепетнее.

Он шел дальше. Чуть ускоренный шаг, носки врозь, напряженный корпус. Походка Су Синьхао, вбитая в самую костную память Линь Юэюэ. А что теперь вбито в его собственную костную память? Быть может, еще не до конца отработанный план, быть может, невыполненное обещание или та самая фраза: ты должен мне сцену. И когда придет день возвращения, я хочу видеть, что мое тело способно выдавать прежний уровень.

А до тех пор он будет идти. На ногах Линь Юэюэ — дорогой Су Синьхао.